

— Рад со своими людьми перерыл почти всю землю на побережье, и повсюду под ней обнаружили яйца насекомых. Раньше они тоже попадались, но не в таком пугающем количестве. Рад говорит, будто берега реки удобрили чем-то, что ускорило их рост. Они собирались выжечь перекопанную землю, чтобы уничтожить хотя бы часть кладок, но дождь льет стенами, и толку от этого мало.

— Удобрение? — Кевин нахмурился. Он невольно вспомнил кучи песка, усеявшие все вокруг в ту ночь. К ним нельзя было даже прикоснуться. Те кучи, что не смыло в реку, почти полностью закопали под землю от греха подальше, чтобы никто случайно не пострадал.

Не из-за этих ли песчаных куч все случилось?

Когда дело касается песчаных призраков, возможно абсолютно все.

— И еще: Рад отправил небольшой отряд лазутчиков на сторону Страны Северного Нефрита. Угадайте, что они разузнали, ваше величество? — обратился Камиус к Освальду. — В Стране Северного Нефрита летающих тварей по меньшей мере вдвое больше, чем на нашем берегу. Говорят, Сапиру стало еще хуже, теперь он совсем не встает. Его старший сын Манкао погиб, а младшего, Бота — того бездельника, погрязшего в праздности, — срочно вызвали обратно в столицу. Неизвестно, что они замышляют.

Бот был тем самым мелким ублюдком, который удерживал Мая и Шо в игорном доме. При одном воспоминании о его подлой физиономии Освальд почувствовал прилив ярости. Он холодно усмехнулся:

— Когда какое-нибудь государство оказывается на пороге гибели, небо обязательно посылает ему парочку придурков, которые своим вздорным нравом растрачивают последние крохи его угасающей жизни.

Однако еще более тяжелое положение дел в Стране Северного Нефрита лишь укрепило уверенность Кевина в том, что летающие насекомые связаны с песчаными кучами. Точнее говоря, с тем снадобьем во флаконе, которое песчаные призраки передали Стране Северного Нефрита. Та матка, которую он пронзил стрелой, и мелкие мошки, проникшие в тела гвардейцев Манкао, по всей видимости, и были главными виновниками этой «странной болезни».

Освальд, судя по всему, пришел к тому же выводу. Лицо его помрачнело, и он процедил:

— Так я и знал. Песчаные призраки не стали бы по доброте душевной помогать Сапиру, а сами просто так возвращаться в свое логово.

Нашествия насекомых и «странной болезни» было вполне достаточно, чтобы до предела изнурить остальные народы, лишив их возможности защищаться со всех сторон. А когда закончится сезон дождей и призраки вернутся, прочие племена будут уже настолько обескровлены, что захватить их не составит никакого труда.

Самым невыносимым было то, что даже собрав воедино все причины и следствия и разгадав их замысел, приходилось, стиснув зубы, двигаться дальше — ведь отражение нашествия насекомых не терпело отлагательств.

Каждого из них хотя бы раз кусали эти мошки. Раньше подобное обернулось бы лишь зудом на пару дней, но теперь это превратилось в дамоклов меч, нависший над головой. Никто не знал, в какой момент он сорвется вниз, словно непрерывный зов смерти.

Эта ночь принесла мучительные испытания для всех — как во дворце, так и за его пределами.

Освальд не сомкнул глаз до самого утра, изучая донесения из гарнизонов. В Палате жрецов тоже горели огни: несколько жрецов склонились над бассейном для наблюдения за звездами, боясь даже моргнуть. А в Палате лекарей все сбивались с ног от усталости — ведь если бы им удалось приготовить действенное лекарство хоть на минуту раньше, это принесло бы долгожданное спасение.

Помимо Патрульной кавалерии столицы, большая часть столичного войска была разделена на множество мелких отрядов, которые под покровом ночи спешно отправились в города и поселения Королевства Золотого Льва.

На рассвете у старого дворецкого Йена, вечно ходившего с траурным лицом, затекла во сне шея. Окоченение распространилось от самого верха позвоночника до затылка, так что теперь он не мог даже повернуть головы.

Проснувшись утром, Маленький Лев Бан обнаружил, что безымянный и указательный пальцы на его правой руке, которые он отлежал во сне, тоже окаменели.

Левый глаз Анджелы стал безжизненно-серым, будто кто-то выковырял осколок из каменной статуи и вставил ей в глазницу.

И всего за один день граница серо-желтого омертвения на локте Тенис продвинулась вверх еще на один сантиметр.

.....

Кевин оперся обеими руками о письменный стол Освальда и, слегка опустив взгляд, произнес спокойным, но не терпящим возражений тоном:

— Попасть в Гробницу Бога Фаэ не так уж трудно. Я справлюсь один.

Освальд не сдержался и вспылil:

— Один? Ты с ума сошел?! Что за глупые шутки!

— Я не шучу, — ответил Кевин и вдруг подался вперед, придвигаясь ближе. С глухим стуком он опустил правую руку на стол перед Освальдом ладонью вверх. Сквозь тонкую кожу основания ладони до самого запястья просвечивали бледно-голубые вены.

Из-за того что он опирался на стол только одной рукой, его тело слегка наклонилось вбок, что придавало его позе оттенок небрежной расслабленности.

Он небрежно провел левой рукой по правому запястью и с улыбкой спросил:

— Ты, кажется, забыл, что я вообще не получаю ранений?

Освальд скользнул взглядом по его руке, затем поднял глаза. Выражение раздражения на его лице слегка смягчилось, однако тон остался таким же резким:

— Раз не получаешь ранений, возомнил себя всемогущим? Думаешь, у тебя отросли четыре головы и восемь рук, и ты один можешь заменить целую сотню воинов?

Кевин цыкнул:

— Ты можете разговаривать нормально?

— Прошу прощения, но при виде тебя — нет, — фыркнул Освальд.

Кевину оставалось лишь развести руками. Он некоторое время озадаченно смотрел на Освальда, но тот оставался тверд как скала и упрямо смотрел ему прямо в глаза.

— Эх... — вздохнул Кевин и постучал костяшками пальцев по столу, пытаясь сменить тон на более мягкий и рассудительный, чтобы убедить его. — Послушай, сейчас все пребывают в панике, люди ждут спасения. Каждый день без сдвигов — это день без покоя, и подобный страх невозможно подавить простыми приказами. Я понимаю, ты не привык верить тому, чего не видел собственными глазами. Тебе кажется, что рисковать жизнями целого отряда ради какой-то священной воды, чье действие еще под вопросом, — бессмысленная затея, и куда надежнее заставить Палату лекарей работать круглые сутки.

Губы Освальда сжались в суровую прямую линию, и весь его вид выражал абсолютное упрямство.

— Возможно, в свое время император Бессерман прокладывал этот путь по телам одного отряда за другим, но сейчас в этом нет нужды — мне хватит и себя самого. У меня и правда нет четырех голов и восьми рук, зато я не получаю ранений. А это значит, что я могу совершать попытку за попыткой, пока не распахну ворота главного чертога Гробницы Богов. Палата лекарей при этом может и дальше без всяких помех готовить снадобья, а стражники и воины — патрулировать город и охранять рубежи, никого не придется отзывать с постов. Мы пойдем двумя путями одновременно, они друг другу не мешают.

Кевин развел руками:

— Если в конце концов священная вода поможет, все будут счастливы. А если нет, считай, что я просто прогулялся. Это беспроектное дело. Не понимаю, о чем тут вообще раздумывать?

— ... — Освальд открыл было рот, чтобы возразить, но его губы лишь беззвучно шевельнулись. Похоже, он просто не находил доводов против слов Кевина.

И правда, отправить всего одного человека, чтобы, возможно, избавиться от всех бед разом — огромная выгода при нулевых затратах. Какая отличная сделка! Стоит ли тут колебаться?

И все же Освальд выглядел... чертовски злым.

Кевин негромко усмехнулся:

— Ладно, я ведь тоже не упрямец. Раз тебе нечего сказать, давай решим иначе. — Он указал пальцем на правое ухо Освальда: — Я сосчитаю до трех. Если ты против — шевельни этим ухом, если согласен — не шевели. Идет? Итак, начали. Три!

Освальд: «...» Правое ухо, черт побери, и так окаменело, как им вообще пошевелить?!

Кевин с удовлетворением указал на его ухо:

— О, отлично. Как благоразумно, сразу видно заботу об общем благе.

Эти слова прозвучали как откровенный намек на то, что сам император ведет себя неразумно и не думает о главном. Похоже, господин Фассбиндер снова искал смерти.

Освальд резким движением оттолкнул его наглую руку, с трудом сдерживая раздражение.

У императора были глубоко посаженные глаза, резкие, точно высеченные из камня черты лица и слегка приподнятый подбородок. В сочетании с вечно недовольной миной это придавало его красивому лицу суровое и неприступное выражение, из-за чего он казался крайне высокомерным и упрямым.

Будь он лет на двадцать или тридцать старше, с багажом жизненного опыта за плечами, такой вид, несомненно, придавал бы ему еще больше царственного величия.

К несчастью, он был еще слишком молод, а этот наглец Кевин никогда его не боялся.

Кевин выпрямился и, едва заметно усмехнувшись уголком рта, спросил:

— Ты так неохотно соглашаешься на эту беспроектную сделку... Могу я расценивать это как беспокойство о моей безопасности?

Освальд с каменным лицом промолчал и лишь спустя мгновение с усмешкой бросил:

— С чего бы мне о тебе беспокоиться? Я что, мазохист?

С этими словами он бесцеремонно махнул рукой, показывая, чтобы тот убирался прочь: один его вид выводил Освальда из себя.

Дело было сделано.

Пусть и пришлось потратить немало слов, но Кевину все же удалось убедить Освальда. В конце концов, молодой император не был настолько упрям, чтобы вредить общему делу ради пустой прихоти.

<http://bllate.org/book/18285/1753197>